

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 15

Борьба продолжается

(окончание)

Предыдущая часть этой главы завершалась выдержками из дневников Сергея Семанова. Сейчас же я обращусь к ещё одному дневнику – писателя старшего поколения Николая Павловича Смирнова, родившегося ещё в конце XIX века.

Это был чрезвычайно интересный, ныне, к сожалению, основательно забытый прозаик. В 1920-е годы он вместе со своим другом, уже упоминавшимся Иваном Катаевым, входил в так называемое “неославянофильское крыло” литературной группы “Перевал”. В 1934 году был арестован и получил пять лет лагерей и ссылку. Во время войны служил писарем на Северном фронте, а после войны вернулся в литературу и основал альманах “Охотничьи просторы”. (Кстати, именно Николай Павлович был редактором отдельного издания книги Виктора Некрасова “В окопах Сталинграда” – он и придумал ей окончательное название. В своих дневниковых записях он вспоминал, как “редактирование было поручено мне, и я, кстати, довольно основательно “прошёлся” по ней, что вызвало неудовольствие со стороны автора, человека крайне капризного, эгоцентричного и неприятного, – он даже кляузничал на меня Фадееву”). В 1952 году он издал книгу о Пришвине, работал над книгой о Бунине (был первым публикатором отрывков из книги “Освобождение Толстого в 1962 году”). На протяжении многих лет поддерживал интенсивную переписку с писателями русского Зарубежья и регулярно на протяжении всех 1960-х публиковал очерки и воспоминания в парижской газете “Русские новости”. Когда в 1969 году вышла его книга “Золотой Плёт”, известный парижский критик Юрий Терапиано отозвался на неё восторженной рецензией: “Закрывая книгу Н. Смирнова, испытываешь чувство, что как будто побывал на родине и глотнул русского воздуха...”

В это время в “Советском писателе” готовилась книга воспоминаний об Иване Катаеве, и Смирнов с увлечением писал воспоминания о своём рано погибшем друге: “Катаев жил в непрерывном труде... много думал, проявляя, в частности, большой интерес к славянофильству, внимательно изучая в этой связи Ап. Григорьева, К. Леонтьева, “Россию и Европу” Н. Данилевского. Считаю русский народ одним из самых великих и талантливых в мире,

Катаев, однако, не был националистом, он... всячески ратовал за братство и дружбу всех наций..." Можно не сомневаться – таков же был круг чтения и самого Смирнова в 1930-е.

...Ему было уже за 70, многое пережито и испытано, а он с поистине юношеским порывом жадно набрасывался на всё живое и интересное в литературе и литературном наследстве, публиковавшееся в 1960-х...

1968 год.

"29.11.

Ознакомился, не без интереса, с нашумевшей статьёй В. Чалмаева "Неизбежность" (в № 9-м "Молодой гвардии").

Статья оставляет двойственное впечатление – она написана довольно хаотично, с большими и ненужными отступлениями от основной темы, но эта основная тема: возрождение национального начала, национального духа и борьба с новым мещанством – весьма, как говорится, актуальна и научно необходима...

Разлив мещанства и обывательщины, "технизма", всяческие "западные влияния", обездушивание жизни – всё это и многое другое не может не заметить всякий наблюдательный и думающий человек, и заслуга Чалмаева в том, что он во всеуслышание – страстно и ярко – заявил об этом, провозгласив оплотом и опорой культуры народ ("Саврасушку") и народность – знаменем национальных традиций новой эпохи...

Не случайно и то, что статья Чалмаева так взбудоражила нашу "критику": мещанин не выносит ни назиданий, ни обличений – он туп, консервативен и реакционен (именно во всём этом обвиняли тогда и обвиняют поныне "молодогвардейцев" и их соратников. – С. К.), но бьётся за своё место под солнцем с упорством и яростью. Полемические статьи о "Неизбежности"... неубедительны и примитивны. Суровцев держится более или менее благопристойного тона, пытаясь полемизировать в доказательно-деловом тоне, а Чапчахов груб и бьёт наотмашь, "раззудись, плечо"... Вот он – мещанин в действии!

4. 12.

В нашем социалистическом, то есть строго атеистическом, государстве всё же пробивается, как ручей среди каменных гор, религиозная литература. В составе Патриархии имеется издательский отдел, выпускающий (правда, по крохам) богослужебные или богословские книги и ежемесячный "Журнал Патриархии"... посвящённый главным образом внутрицерковной жизни, что, впрочем, не исключает и наличия серьёзных, нередко очень интересных статей на самые различные религиозно-духовные темы.

Существует у нас и "независимая" религиозная литература, выходящая преимущественно в "самиздате", в частности, очень большой и ценный труд А. Левитина (Краснова) и В. Шаврова "Очерки по истории церковной смуты" (тихоновцы и обновленцы) – три тома, приблизительно по 500 стр. (на машинке) – каждый. Отрывки из этого труда, имеющего, безусловно, познавательно-историческое значение, печатались даже в нью-йоркском "Новом журнале"...

Есть у нас и ещё один поток религиозной литературы, на беглый взгляд незаметный и неощутимый, но тем более ценный по своему вкладу в национальное культурное достояние. Это – многие издания "Науки", в первую очередь, – "Труды отдела древнерусской литературы"... где современные талантливые историки во главе с Д. С. Лихачёвым открывают подлинную, а не декоративную древнюю Русь во всей её самобытной красоте, во всём её культурном блеске. Выход каждого тома "Трудов..." – настоящий праздник для читателя, дорожающего историей (и литературой) родной страны, и его ожидают с волнением и нетерпением... Действительно алмазные залежи блистательных достижений науки, до конца пронизанной высоким и благородным патриотизмом.

А сколько замечательных отдельных изданий того же типа и стиля выходит в "Науке"! Только что прочитал, например, – с волнением и благодарностью – сборник "Памятники византийской литературы IV–IX веков", превосходно сделанный Л. А. Фрейберг, и чувствую себя, как после сказочного путешествия за пятнадцать веков назад... Какая не истлевшая от времени словесная свежесть, чистота и глубина мировосприятия, литературное (поэтическое)

мастерство, душевная тонкость в восприятии природы... Органическое сочетание глубины мысли и родниковой чистоты чувства, стоическое служение идеалу и наглядное порождение текущей жизни земной... Но, конечно, значение сборника — в его несравненной художественности, довлеющей над временем и радующей человеческую душу своим теплом, что особенно относится к поэзии...

7.12.

В “Вопросах литературы” (№ 11, 68) — необычная статья (речь идёт о статье А. Я. Гуревича “Что есть время?” — С. К.) о восприятии времени человеком Средневековья (в деревне и в городе) с обильными цитатами из бл. Августина и других **религиозных** источников, в частности, из “Романа о Розе”... Статья привлекает пытливостью ума и довольно характерна как показатель новых тенденций в нашем литературоведении — интересом к вопросам религии, истолковываемой не поверхностно, а более или менее углублённо, стремлением утвердить в христианстве его поэтические и эмоциональные начала. На эту тему было несколько статей — в “Новом мире” и в “Вопросах истории”. Сюда же примыкает и ряд статей (в частности — Е. Дороша) о преп. Сергии Радонежском не только как о зиждителе монастыря и великом патриоте, но и как о блестящем представителе тогдашней русской интеллигенции”.

1969 год.

“4.1.

К сожалению, я не читал — пропустил — статью Кожина о русской литературе 30-х годов прошлого века и ознакомился с ней лишь по полемике А. Г. Дементьева в “Вопросах литературы” (№ 12, 68). Статья, судя по всему, столь же интересна, как и выступление Чалмаева: и у того, и у другого — смелость и непредвзятость мысли и новаторская трактовка, незыблемо, казалось бы, установленных канонов, штампов и схем. Если Чалмаев ратовал за национальный дух в литературе, отводя, в частности, определённое и почётное место в литературном процессе К. Леонтьеву (“Чаадаев 70–80 годов прошлого века”), то Кожин реабилитирует 30-е годы, называя их годами литературного расцвета, а Чаадаева — не разоблачителем “николаевщины”, а чуть ли не её апологетом, и переосмысливает, хотя и робко, творчество шестидесятников (рев. демократов).

Экскурсы молодых литературоведов в прошлое уже сами по себе, независимо от их “открытий” и результатов, — явление положительного порядка, они свидетельствуют и о пытливости ума, и об усталости от догматизма”.

Крайний интерес представляют записи, посвящённые личным встречам Николая Павловича с авторами читанных им материалов. Чрезвычайно контрастна его реакция на разных посетителей.

“3.2.

Заходили вчера О. Михайлов и Чалмаев, ставший краткосрочной знаменитостью после своей статьи в “Молодой гвардии” о национальном существе совр. литературы и потревоживший при этом — в хорошем смысле — страдальческую тень К. Леонтьева.

Сейчас Чалмаев — зам. редактора реформированного “Нашего современника”, который, по его вчерашнему разговору, должен стать “боевым органом”, ратующим всё за ту же национальную русскую литературу, проводя эту линию как в художественном разделе, так и, в особенности, в критическом.

Всё это должно быть с наибольшей яркостью воплощено в статье О. Михайлова о Бабеле и Олеше, Багрицком и Катаеве как о представителях “инородного” течения в советской литературе и, кроме того, по мысли Михайлова, не отличающихся каким-либо заметным художественным дарованием. Одновременно Михайлов хочет пропагандировать в “Н. современнике” М. А. Булгакова и Е. И. Замятина, которых чрезвычайно ценит.

Я сказал собеседникам, что они затевают небезопасную игру: могут стать мишенью самых ожесточённых и беспощадных нападков Дымшица и компании, то есть того “представляющего мнение” кружка, который отличается не только фанатизмом, но и лакейской самовлюблённостью.

Внешне Чалмаев производит приятное впечатление серьёзности, деловитости и душевности. Лицо прежнего семинариста, вдумчивое и угрюмое, умные глаза, неторопливая, обдуманная речь. При упоминании имён К. Леонтьева и Ап. Григорьева заметно оживляется. Ему, видимо, около 35–38 лет, и то, что он, человек безупречно советской формации, воспринимает прошлое в его забытых чертах и образах, говорит, конечно, о пылкости мысли и желании думать по-своему. Это довольно характерно для людей его поколения.

21.2.

Длительный, томительный и несколько нудный разговор с А. В. Хр. (Храбровицким. — С. К.) о демократии и диктатуре.

Сторонник парламентаризма и всяческих т. называемых свобод в западно-американском стиле, человек, всерьёз считающий Короленко гениальным (!) писателем, Хр. напоминает своим упорством и словесной звонкостью дятла, непрерывно бьющего в одну и ту же точку, не замечая всей надоедливости этого стука. . .”

* * *

К статье Олега Михайлова о так называемой “южно-русской школе” мы ещё вернёмся. А сейчас поговорим о Михаиле Булгакове.

После выхода в свет избранных произведений (включая роман “Белая гвардия”) в 1966 году и особенно после публикации в конце 1966 — начале 1967-го романа “Мастер и Маргарита” в журнале “Москва” (с многочисленными цензурными и редакторскими изъятиями) Булгаков стал своего рода “культурным” писателем. Одной из самых первых серьёзных статей, посвящённых его прозе, была статья Олега Михайлова, опубликованная в 1967 году в “Сибирских огнях”, где критик подробно анализировал и “Белую гвардию” (“не просто офицерство — но среднее, боевое, служилое, во все войны поставлявшее беззаветных капитанов Тушиных. . .”), и “Жизнь господина де Мольера”, и “Мастера и Маргариту” (“Побеждённый внешними обстоятельствами Мастер (как и обречённый на казнь Иешуа-Христос) остаётся несломленным внутренне. Вот почему после его физической смерти неотвратимо начинается его новая, вторая и уже только духовная жизнь”).

Во многом перекликалась с михайловской статьёй статья Владимира Лакшина, опубликованная в “Новом мире”. Лакшин делал упор на проблеме нравственной, проводя прямую линию от времён булгаковских к сегодняшнему дню. Акцентируя трусость Пилата, “умывшего руки”, Лакшин формулировал: “Человека умного, смелого и благожелательного она (трусость) способна превратить в жалкую тряпицу, обесилить и обеславить. Единственное, что может его спасти, — внутренняя стойкость, доверие к собственному разуму и голосу своей совести”. В центре внимания и одного, и другого литератора были образы Мастера и Иешуа. Но статья Михайлова (возможно, из-за публикации в провинциальном журнале) практически не получила резонанса. Тогда как от статьи Лакшина резонанс был весьма основательный. “В. Лакшин в своей “всеобщей” формуле как раз и забывает о такой “мелочи”, как идеология, — идеология коммунистической партии, её теория, её программа. Он не делает ни малейшей оговорки по этому поводу. Но по отношению и к человеку непартийному формула об абсолютном значении именно и только индивидуального чувства справедливости, личного разума в том виде, как она преподносится В. Лакшиным, неверна. . .

Мыслящие люди, люди нашего социалистического общества, — а о них, разумеется, идёт речь и у В. Лакшина, — вырабатывают свои знания, своё чутьё, следовательно, собственное чувство справедливости и собственное разумное понимание не в одиночку, не самосильно, а сообща и в неразрывной связи с коллективным разумом и с коллективным чувством справедливости. . . Неужто товарищу Лакшину не известно, что даже и сейчас, и в среде, казалось бы, интеллектуальной мы сталкиваемся с людьми, не понимающими, что такое непримиримая борьба идеологий, не желающими считаться с требованиями этой борьбы и противопоставляющими этим требованиям “верность самому себе” и прочее столь же “красивое”. . .”

Так писал критик Михаил Гус в статье с характерным названием “Горят ли рукописи?” Разгорелась нешуточная полемика между “новомирским” автором, называвшим себя демократом, и твердокаменным ортодоксом большевистского типа. “Рукописи не горят!” – отвечал Лакшин, которому догматически “выверенные” и классово “выдержанные” формулировки оппонента не просто добавили популярности – дали возможность ещё более широко развернуть свои тезисы. Кажется, ни тот, ни другой не уловили фундаментальной лжи, заключённой в этой зацитированной воландовской фразе (ведь Воланд делает вид, что в одно мгновение читает роман на глазах Мастера, тогда как ранее он дословно воспроизводил его начало перед ошарашенными Берлиозом и Бездомным).

Читавший эту полемику зарубежный переводчик Булгакова сказал Лакшину в присутствии вдовы писателя: “Я вам завидую, у вас идут такие лит<ературные> бои, какие у нас были только в XVIII веке...” “Нашёл чему завидовать!” – иронически прокомментировал Лакшин, даже не дав себе труда задуматься, что настоящая литературная жизнь, о которой в Европе давно забыли, продолжалась именно в Советской России.

...Через считанные месяцы на страницах “Нашего современника” появилась статья Петра Палиевского “Последняя книга Михаила Булгакова”. “Роман, – вспоминал он позже, – поразил своих новых современников художественным совершенством, ясностью духа и трезвым, дружелюбно-насмешливым пониманием бедствий эпохи, обычно трактуемых в крайнем политическом ожесточении”. Палиевский не просто избежал в своей работе о романе какого-либо “политического ожесточения”, не просто указал на то, как Булгаков смеётся над Воландом и его присными, которые уже начали обретать в глазах многих читателей романтический ореол. (“Он смеётся над силами разложения вполне невинно, но чрезвычайно для них опасно, потому что мимоходом разгадывает их принцип”, который заключается в том, что “глумятся-то они, оказывается, там, где люди сами уже до них над собой поглумились... они только подъездают им давно оставленное”)... Он указал на главного героя романа, которым оказывается вовсе не Мастер (кстати, сто тысяч выигрыша, полученные Мастером и давшие ему возможность засесть за высоко оценённый сатаной роман, ничем, по сути, не отличаются от денег, сыпавшихся на голову несчастных зрителей в варьете) и не Иешуа. Им оказывается... Иван Бездомный.

Если внимательно вчитаться в аргументацию Палиевского – невозможно не заметить, что с Бездомным он практически ассоциирует всех современных читателей романа и его критиков. И указывает на самое главное – только этот герой “по-настоящему развивается в этой книге... Он возвращает себе собственное имя и от Бездомного начинает понимать, что существует дом, своё, через дом соединяющееся с общечеловеческим – и историей, которую он избрал себе специальностью... что есть народ в этой истории... то растущее целое, которое не в силах разложить никакие Коровьевы и Воланды”. В этом зеркале, беспощадно отражающем любого рассуждающего и пишущего о булгаковском романе, можно разглядеть и Лакшина, и Гуса, и, отчасти, Михайлова... “Недаром несчастный поэт Бездомный, гоняясь за слугами Воланда, налетает головой на стекло, собственной головой, которой суждено лишь потом одуматься; они этим преследованиям только рады. Потому что здесь уже для преследователей совсем теряется из глаз главная, настоящая причина разрушений, сознаться в которой нелегко: собственное размахивство и наплевательство, желание во что бы то ни стало быть правым и ковырять любую ценность, как игрушку, у которой, мол, просто хитрый секрет и ничего особенного...”

“От превращения Бездомных в Понырёвы слишком многое зависит, чтобы автор мог отнестись к этому несерьёзно, только беглые точные подробности, почти закрытые их смешным значением, выдают, если присмотреться, первые шаги “нового Ивана”...” Трудно отделаться от мысли, что Палиевский писал эти страницы по свежим следам бесед с Бахтиным, который с надрывом говорил в это время и Кожину, и Урнову, и Палиевскому: “Нарушена национальная генетическая память”. Так называемые “русские” всё, что могли (преодолевая не мытьём, так катаньем возникавшие те или иные внешние ограничения), делали для её восстановления. Многие из них вели себя именно, как Иван Бездомный, в погоне за Воландом натыкающийся головой на

стекло... Палиевский отчасти писал и о себе самом (при всей своей трезвости и изумительном чувстве юмора), о чём говорят иные из его последующих работ, подписанные псевдонимом “Иван Понырёв”.

В начале своей статьи Пётр Васильевич как бы между делом привёл слова “клетчатого” из сна Алексея Турбина: “Россия — страна деревянная, нищая, а русскому человеку честь — только лишнее бремя”. Подобное нередко можно было услышать во многих “интеллигентных” обществах в конце 1960-х, и приведённые слова били не в бровь, а в глаз... Елена Сергеевна Булгакова, с которой наш автор общался лично, внимательнейшим образом прочитала всю статью, и, дойдя до этих слов, вскрикнула: “Это цитата!” Цитата — откуда? Через три дня позвонила Палиевскому: “Нашла!” Нашла у Достоевского в “Бесах” — слова Кармазинова (“Святая Русь — страна деревянная, нищая и... опасная, страна тщеславных нищих в высших слоях своих”...).

Кстати, Лакшин, также лично знакомый с Еленой Сергеевной и частенько навещавший её, выражал на страницах дневника крайнее неудовольствие, что в доме обожаемой им вдовы Булгакова бывают представители “другого лагеря”: “Пал/иевский/, Мих/айлов/ бегают к ней и “вербуют” на свою сторону...” И в чём же, по его мнению, заключалась эта “вербовка”?

... Почти одновременно со статьёй Палиевского отдельным изданием вышла книга фронтовика, образованнейшего филолога Степана Шешукова “Неистовые ревнителю. Из истории литературной борьбы 20-х годов”. Это была своего рода “бомба”, разорвавшаяся тогда на “литературной поляне”. Подробнейшее описание царившей в те времена “авербаховщины” не могло не навести на мысль о сходных явлениях, происходивших в современной жизни. Многие нынешние “неистовые” ревнителю “классового подхода” могли посмотреть в неё, как в зеркало, где отражались их литературные физиономии, слишком схожие с физиономиями громил из РАППа, травивших Горького, Маяковского, Есенина, Алексея Толстого и того же Булгакова... Естественно, книга тут же стала предметом ожесточённых нападков, правда, как потом писал Шешуков в предисловии к её второму изданию, “с годами страсти утихли, и многие из неистовых рецензентов теперь читают спецкурсы по “Неистовым ревнителю”...” Он, как потом сам убедился, был слишком оптимистичен... Пройдёт время, и неистовые страсти разгорятся снова. Впрочем, об этом речь впереди.

* * *

К 1970 году — к ленинскому 100-летию — агитпропу всё более попере́к горла становились как “твардовский” “Новый мир”, так и “никоновская” “Молодая гвардия”. В наибольшей степени применительно к этим двум журналам 7 января 1969 года было принято секретное постановление ЦК КПСС “О повышении роли руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара”.

Предъявить ни тому, ни другому журналу конкретных политических обвинений не получалось — да и не было для этого оснований. Другое дело, что находились основания для административных мер. И вот тут-то одна “детективная” история начинала насаиваться на другую.

Не прошло и полгода, как с “Новым миром” в его ожесточённой полемике с так называемыми “русситами” солидаризировалась британская газета “Гардиан” в статье журналиста еврейско-польского происхождения Виктора Зорза “Советские шовинисты попадают под огонь”. Рекомендации советскому правительству в этом материале давались самые недвусмысленные:

“Новый мир” осуждает антизападный экстремизм журнала “Молодая гвардия” и тем самым укрепляет позиции либералов в борьбе против реакционеров. “Новый мир” осуждает страх перед западным влиянием и предлагает помощь Кремлю со стороны либеральной интеллигенции в борьбе с силами реакции, в надежде на то, что политические руководители страны увидят, где кроется подлинная опасность, и предпримут меры по защите насущных интересов нации”.

Зорза утверждал, что статья Дементьева “О традициях и народности” “нашла поддержку в некоторых высочайших властных структурах” и что в результате этого “прогрессивные силы России захватили инициативу”. Подобные

“указания” из-за рубежа были совершенно непереносимы для отечественного агитпропа, и его “рыцари плаща и кинжала” покатали новую “бочку” на “Новый мир” в советской прессе. Притом, что тон этих статей при всей их наступательности отдавал какой-то внутренней неуверенностью. Как будто сами их авторы были совершенно не рады очередному поводу для выяснения отношений с “твардовским” журналом.

И тут “заграница” преподнесла нашим отечественным блюстителям коммунистической идеологии очередной “подарок”. Появление в “Посеве” (где Твардовский был назван “главой оппозиционной интеллигенции”) и в итальянском журнале “Эспрессо” (с фотографией декольтированной девицы и с подзаголовком “запрещённая в России поэма Твардовского”) так и не получившей разрешения на публикацию в отечественных пенатах поэмы “По праву памяти” – под заголовком “Над прахом Сталина”. И тут же в газете “Фигаро литэре” печатается статья Веры Фости “По праву памяти” Александра Твардовского:

“Именно политика всегда вдохновляла и вдохновляет Твардовского в его деятельности главного редактора авангардистского советского журнала “Новый мир”, который сыграл большую роль в развитии современной русской литературы... Совсем недавно против него и его журнала было поднято целое дело журналами “Молодая гвардия” и “Огонёк”. Взяв за предлог модное течение, которое можно назвать новым славянофильством, враги Твардовского атаковали его в политическом плане, исподтишка стараясь добиться его отставки. Эта ссора была достаточной, чтобы мотивировать отказ Главлита (цензуры) дать визу на публикацию новой поэмы Твардовского...

Между строчками поэмы читается глубокая горечь, и поэма совершенно не излучает всегдашнего оптимизма и юмора автора. То, что такое произведение, которое не носит никакого антисоветского характера, должно издаваться за границей, пройдя через самиздат, нас не удивляет – это знамение времени...

Такого “от Твардовского” не ожидал никто. В то же время власть имущие прекрасно понимали, что сам Твардовский ни при каких условиях не переправил бы за границу поэму своими руками. И они стали искать виновных в этом “проколе” в редакции “Нового мира”.

Негласная вина была возложена на давно раздражавших агитпроп Лакшина и других членов редколлегии, которых и вознамерились в первую очередь убрать из журнала.

“Надо спасать большого поэта”, – такие разговоры ходили по высоким кабинетам. “Дело не в журнале – журнал замечательный. Дело в публикации за рубежом поэмы. Твардовский не виноват – виновато окружение”. Принято было решение вывести из редколлегии Игоря Виноградова, Алексея Кондратовича, Владимира Лакшина и Илью Саца.

“К концу года, – писал через два десятка лет Кожин, – текст поэмы, переписанный кем-то из “новомировцев” и переправленный за рубеж, был там опубликован”.

Дневники Лакшина полны негодующих вскриков: видно, что для него нестерпимой была сама мысль, в которой укоренился и Твардовский: “... всё так нелепо... разгром журнала учинён не по поводу его направления или содержания его поэмы, а на основе полицейской выдумки... Безусловно, никто из членов редколлегии не был причастен к передаче поэмы Твардовского на Запад, но то, что сама по себе идея “перепульнуть” её туда родилась в журнале – в этом соображении, бесспорно, было рациональное зерно. И родилась эта идея, очевидно, в голове Анны Берзер, которая в полном смысле слова “ходила под Солженицыным” и, скорее всего, обсудила эту идею с ним (“Берзер хвастает всюду, что о каждом своём шаге советуется с Солженицыным”, – записывал Лакшин рассказ одной своей собеседницы).

А тот уже подключил свои “контакты”.

Ранее в “Литературной газете” была опубликована статья “Идейная борьба. Ответственность писателя”, прямо направленная против Солженицына. Писатели отреагировали на неё весьма разнообразно. Так, скульптор Эрнст Неизвестный не скрывал своего удовлетворения:

“Наконец заговорили о личности Солженицына, деятельность которого нуждается в официальной оценке. До сего времени всё, что исходило непосредственно от него, принималось в литературных кругах за должное

и правдивое. Взять хотя бы его заявление о незаконном изъятии официальными органами его личного архива (об этом Солженицын подробно писал в послании съезду писателей. — С. К.). Этому верила значительная часть московской интеллигенции, и только конкретное разъяснение по этому вопросу даёт статья в “Литературной газете”.

А вот что говорил Юрий Бондарев:

“Статья написана неубедительно. Как можно сейчас, два года спустя вскользь упоминать о письме Солженицына в адрес съезда писателей, когда все из заграничного радио знают его содержание. Меня не удовлетворяет и бездоказательность вины Солженицына в том, что зарубежная пропаганда использует его имя и сочинения”.

В информации Комитета государственной безопасности, где приведены все эти высказывания, есть ещё один прелюбопытнейший абзац: “Что касается Солженицына, то его позиция по поводу статьи открыто не проявилась. В настоящее время, по полученным данным, Солженицын заканчивает работу над новой рукописью объёмом около 1500 машинописных листов о важнейших этапах развития нашего государства в 1917–1960 годах под названием “Архипелаг ГУЛАг”...”

Так что никакого секрета на проверку здесь не было. КГБ был прекрасно осведомлён и о работе Солженицына над этой книгой, и, как мы увидим в дальнейшем, о самом её тексте... Шла крупная потаённая игра с непосредственным участием отечественных спецслужб.

По поводу исключения Солженицына из Союза писателей Твардовский совершенно справедливо выразился: “Они хотели наказать его исключением из Союза, а наказали мировой славой”.

И сам Солженицын отнюдь не горевал. Он чувствовал себя абсолютно свободным от всех обязательств, в том числе и перед людьми, которые, можно сказать, за руку ввели его в литературу... Тут же после исключения он разразился громоподобным письмом, которое через некоторое время на все лады транслировали западные “голоса” и которое привело в ужас и негодование многих и многих, в том числе и работников “Нового мира” во главе с Твардовским, который назвал и само письмо, и его распространение “катастрофой”.

Интересные высказывания писателей по этому поводу содержатся в информации КГБ, поданной в ЦК КПСС, — “О реакции интеллигенции на факт исключения А. И. Солженицына из членов Союза писателей СССР”. В частности, приводится высказывание Сергея Залыгина:

“В отношении таких, как Солженицын, надо применять закон, по которому можно лишать отдельных лиц, проводящих нежелательную деятельность, гражданства СССР и высылать их из страны. Для Советского Союза это было бы политически более выигрышно...”

А это Александр Твардовский:

“Это просто антисоветская листовка. Автор её — самоубийца. И объяснить это состоянием аффекта у нас не удастся, это совершенно невозможно”.

Ещё более любопытен в своей реакции был будущий главный редактор “Континента” Владимир Максимов:

“Более эффективной акцией против Солженицына было бы не исключение, а выдворение его из пределов Советского Союза, потому что Солженицын нужен нашим противникам, когда он здесь и питается определённой информацией. Окажись Солженицын за границей — к нему... был бы потеряны всякий интерес”.

И совершенно вразрез с этими мнениями звучало мнение Фёдора Абрамова:

“Кочетовы процветают, Кочетовым зелёная улица, Кочетовы патриоты, а Солженицына — вон. Что это — новая закрутка? Демонстрация наших побед на пути к юбилею?”

(Кочетов в это же время прославился своим скандальным романом “Чего же ты хочешь?”, на который писались злобные пародии, ходившие по рукам, и по поводу которого в ЦК было отправлено доносное коллективное письмо за подписями академиком Сагдеева, Арцимовича, Мигдала, Понтекорво, членом Союза писателей Сергея Смирнова, Эрнста Генри, Марка Галлая, члена Союза журналистов Евгения Гнедина, уже знакомого нам старого большевика Данишевского и других. Авторы заявляли, в частности: “Страна думает

о Ленине, ей преподносят Сталина, стремясь исподволь сбить её с ленинского пути. Он грязнит самую большую компартию Западной Европы, компартию Италии, обвиняя её деятелей в корыстолюбии, в антиморальном поведении, даже в принадлежности к фашистам во времена Муссолини. Мы не знаем, как мог столь неумолимый в других случаях Главлит пропустить роман, в котором советский автор нападает из-за угла на зарубежную компартию... Некоторые места романа можно понять как плохо замаскированные выводы против нынешней партийной линии... Это недостойное произведение. Это не советское произведение. Оно грязнит честь нашей литературы, наносит нам большой вред и внутри, и вне страны. Мы не считаем, что нужно запретить этот роман... Даже таким, как Кочетов, не стоит затыкать рот. Надо полагать, что Союз писателей подвергнет этот роман широкому обсуждению. Но мы думаем, было бы хорошо, если бы партия и советская печать высказали и своё мнение по поводу подобного произведения”.

Естественно, не было никакого “широкого обсуждения”, а мнение партии после этого письма было однозначным. Ни о каком отдельном издании романа речи ещё длительное время не заходило).

“Твардовский” “Новый мир” доживал свои последние дни. Главный редактор ещё пытался себя уверять: “Такой редакции, как наша, не было никогда. Тут люди собрались один к одному”, — хотя прекрасно знал, что эти слова не имеют никакого отношения к реальности, о чём и сам раньше писал в своих дневниках.

То, что в журнале не было в помине никакого единства, подтвердил потом и Игорь Виноградов в разговоре с Лакшиным: “...У редколлегии, в том числе и у А. Т., и у меня (т. е. у Лакшина. — С. К.) не было-де самосознания журнального, журнал вёлся безотчётно и недемократично... Были две разные идеологии — у 1-го и 2-го этажа. На 1-м этаже считали, что журнал — окно в мир, и надо как можно больше через это окно протаскать, вне зависимости от того, какая редколлегия; нужно обманывать тех, которые “наверху”, всё равно, кто бы там ни был — Твардовский и Лакшин или Косолапов с Большовым...” Твардовский же о Виноградове, добивавшемся с ним доверительного разговора: “Не хочу, он неприятен мне, И. В.”. “Я попробовал смягчить этот приговор, — записывал Лакшин, — да: он утомителен иногда. “Нет, — после минутной паузы возразил Трифонович, — не утомителен, а неприятен”.

Двадцать лет спустя и Лакшин, и Виноградов запели совершенно другие песни, уверяя всех и каждого, что “Новый мир” представлял собой единое целое, и тот, кто смеет в этом усомниться — совершает неслыханное кощунство.

Кожин, подробно и пристально анализируя мировоззрение Твардовского и его последние годы пребывания в “Новом мире”, совершенно обоснованно заключал: “Сейчас некоторые бывшие сотрудники “Нового мира” хотят изобразить Твардовского своим полным единомышленником. Во-первых, несостоятельна сама эта претензия “присоединиться” к человеку и поэту истинно трагедийной судьбы, которой его сотрудники по журналу ни в коей мере не пережили. С другой стороны, ясно, что та часть сотрудников, которая сейчас больше всех говорит о Твардовском, не могла по-настоящему разделить его глубокое уважение и любовь к большой группе писателей... которая после ухода поэта из “Нового мира” стала основой журнала “Наш современник”.

Принципиальное различие между Твардовским и теми, кто сегодня слишком назойливо клянётся его именем, заключается, в частности, в следующем: они как бы целиком остались в “хрущёвском периоде”, а Твардовский был и в начале гораздо шире, и шагнул позднее гораздо дальше”.

Показательны в этом отношении мемуары Юрия Буртина “Исповедь шестидесятника”. Автор сего сочинения пытался уверить читателя уже 2000-х годов в том, насколько он сам стоял “выше” своего старшего товарища и руководителя.

“Советский строй я отвергал не только в тех или иных его проявлениях, но в целом, как систему, что и составляло основной смысл моей редакторской работы в “Новом мире”: в меру своих способностей я пытался организовать разностороннюю критику режима. Ходовое тогда выражение “антисоциалистические силы” я с готовностью принимал на свой счёт, ибо рассматривал социализм, по крайней мере, марксистский, как изначальную ложную идею и тупиковый вариант общественного развития. Как же с такой позиции я должен был расценивать мировоззренческие итоги моего героя? Непоследовательность?

Неумение свести концы с концами? Неспособность, несмотря на интенсивность своей внутренней работы, так далеко зайти в самоизменении, чтобы полностью сбросить с души груз старых, ошибочных представлений? Боязнь в этом случае остаться ни с чем?”

Пиетет перед Твардовским останавливает Буртина. Он пытается уверить себя и читателя, что “дело не в том, что такое толкование мне было неприятно и я просто не хотел признаться себе, что человек, которого считал своим учителем, рос, да не дорос до того, что кому-то другому оказалось доступно”, он не желает “в своём высокомерии... показаться самому себе смешным”. И, однако, выглядит смешным в попытках задним числом определить себя как “антисоветчика” по типу Солженицына, волей-неволей подтверждая правоту тех, кто хотел разогнать “Новый мир”... Но если Буртин действительно прав в характеристике тогдашних своих воззрений – тогда тем более нечего и говорить о какой-либо “монолитности” редакции, учитывая, что писал Твардовский в письме по поводу зарубежной публикации поэмы “По праву памяти” Л. И. Брежневу (причём писал совершенно искренне!): “Как художника меня сформировали годы первых пятилеток (“Страна Муравия”), годы Великой Отечественной войны (“Василий Тёркин”), и в чисто личном плане у меня нет оснований считать себя обиженным Сталиным. Выходит, как это ни парадоксально, что Сталин при жизни награждал меня орденами и премиями, а нынешние сталинисты травят. Но, конечно же, не через призму личной судьбы отразилось в моей поэме историческое время, а в духе глубоко воспринятых мною решений последних съездов нашей партии... Мне известны попытки противопоставить Твардовского-поэта Твардовскому-редактору. Такое разделение совершенно неправомерно... В журнале я в меру своих сил проводил те же, что и в творчестве, идеи партии, которые были заявлены ею в решениях XX–XXIII съездов и в других её документах, вплоть до Вашего выступления на последнем пленуме ЦК КПСС”.

Казалось бы, текст этого письма противоречит заключениям Кожинова. Но Вадим Валерианович прав был в главном: Твардовский на самом деле, действительно, в своей поэме и в стихотворениях первой половины 1960-х шагнул “гораздо дальше” и решений партийных съездов, и многих своих сотрудников, в один прекрасный день из ревнителей “социализма с человеческим лицом” превратившихся в ярых антисоветчиков.

Это, кстати, прекрасно понимали в пресловутом “Огоньке”, где в адрес Твардовского не то, что не произносилось ни одного дурного слова – там печатались исключительно высокие похвалы ему как поэту. Достаточно прочесть статью Василия Фёдорова “Новые стихи А. Твардовского”, опубликованную в 1968 году, или статью Олега Михайлова “И песнь моя – народ родной!”, опубликованную в 1970-м, уже после того, как сам Твардовский сложил с себя полномочия главного редактора, не пожелав смириться с увольнением его ближайших сотрудников (самого его увольнять никто не собирался – “спасали большого поэта”):

“... Народность лучших стихотворений и поэм А. Твардовского объясняется, конечно, не только их высокой простотой, их общепонятностью, – она, эта народность, прежде всего, в глубине и значительности заключённого в них национального содержания. “Моя опора и защита, и песнь моя – народ родной!” – чтобы сказать так, надо иметь на это право, и автор “Страны Муравии”, “Дома у дороги”, замечательных фронтовых стихотворений, поэмы “За далью – даль” такое право получил... Его творчество, его лучшие стихи и поэмы ещё раз и неотразимо подтверждают, что большим поэтом, поэтом национальным делается лишь тот художник, кто хранит безусловную верность заветам отечественной классики, кто с любовью и чуткостью относится к живому русскому языку, который становится его песней”.

... А после снятия Твардовского между бывшими “новомировцами” и бывшими “болельщиками” журнала пошёл настоящий раздор, достаточно ярко отражённый в дневниках Лакшина.

“Лившиц Ми/хаил/. Гов/орил/ Сацу: “Знаешь, два дня не спал, как узнал, что “Н/овый/ м/ир/ разогнали. Но, м. б., это и к лучшему. Вы спаслись от неизбежного падения в болото беспринципности”. Как жёлчен он и как ревнив в своей догматической гордыне!..

... Олег Чухонцев – некий молодой поэт говорит отважно: “Ну, что там “Новый мир”? Разве они занимались литературой? Им нужна была политика,

играли в “шестидесятников”... И кому надо ставить памятник как редактору? Не Твардовскому, а Поповкину за “Мастера и Маргариту”.

И так не только эта балаболка говорит, это общий глас той интеллигенции, которая продала нас в 70-м году и продолжает топтать сегодня, чтобы не выглядеть позорно в собственных глазах. Тот же психологический феномен самозащиты.

Я понял только теперь, что “Новый мир” в самом деле был приглашен вовремя. Либеральная интеллигенция, напуганная в 68 г., уже отшатнулась от него, с раздражением смотрела, как мы всё ещё плывём, будто в укор ей. Общественная реакция всегда опаздывает на два-три года за правительством, но когда наступает, держится крепко, и сама давит всё вокруг.

Совершился общественный откат. “Новый мир” стал лишним не только для начальства, он и интеллигенции колол глазки и не давал заняться своими тихими “гешефтами” — “распивочно и на вынос”. Теперь журнала нет, но есть потребность оплывать его задним числом, чтобы выглядеть импозантнее в собственных глазах...”

Насколько не случайно здесь для Лакшина слово “гешефты” — мы ещё увидим. Симптоматичны и его проклятия в адрес интеллигенции. Он с восхищением выслушал сентенцию только что назначенного главным режиссёром МХАТа Олега Ефремова: “Я ненавижу интеллигенцию” (с этого назначения началось фактическое уничтожение “станиславского” Художественного театра — и этой цели не скрывал сам Ефремов: “Я этот театр разь...” — услышал мстительно произнесённую про себя новым худруком МХАТа артист Николай Пеньков).

Тогда же Лакшин записал в свой дневник то, что никогда бы не озвучил вслух в те годы, не говоря уже о годах более поздних:

“Спор о евреях. Ужасны их преследования властью. Но ужасно и другое. Пропала, рассеяна, почти не существует русская интеллигенция — честная, совестливая, талантливая, которая принесла славу России прошлого века.

Нынешняя наша интеллигенция по существу еврейская. Среди неё много отличных, даровитых людей, но в существование и образ мыслей интеллигенции незаметно внесён и стал очень неизбежным элементом дух торгашества, уклончивости, покладистости, хитроумного извлечения выгод, веками гонений воспитанный в еврейской нации. Очень большой вопрос, очень опасный, но не могу не записать того, о чём часто приходится думать в связи с житейской практикой”.

(К слову: любопытно, что немецкий исследователь Вольфрам Эггелинг в книге “Политика и культура при Хрущёве и Брежневе. 1953–1970 гг.”, ссылаясь на дневники Лакшина, утверждает, что “советник Хрущёва по вопросам культуры Лебедев хотел, по-видимому, сконструировать некое “еврейское влияние” на Твардовского со стороны трёх членов редколлегии, которым главный редактор “был обязан” мемуарами Эренбурга”, очевидно имея в виду Закса, Саца и Марьямова).

Достаточно рельефное изображение, как говорится, некогда “своего” круга... Интересно, что для Лакшина не существует русской интеллигенции в лице Кожина, Палиевского, Ланщикова, Олега Михайлова, Глазунова, историка Андрея Сахарова... Впрочем, для него вне “интеллигенции” находятся также Бахтин и Аверинцев. “... “Полифония”, “открытая структура”, “структура мысли”, Бахтин и Аверинцев в качестве путеводных звёзд мысли и культуры — это всё знак глубочайшего общественного разочарования, апатии и реакции: “веховство” в глубоком смысле слова. Ещё можно понять обращение к идеализму, можно понять поиски Бога, но эта игра в абстракции мысли, в “чистую культуру” и “чистое знание” — вот где она, шелуха и декорация, противные мне...”

Сергей Аверинцев персонально “удостоился” и ещё более негодующего пассажи: “Это современный “вехизм”, “самоуглубление”, не знающее выхода и не желающее его знать. Они проклинаят XIX век как идейный, не верят ни в чох, ни в грай и могут жить припеваючи, не ссорясь с властью и утешая себя сознанием элитной независимости. И это русская интеллигенция! Вот волна, которая даже Солженицына захлестнула. Боже, как изощрённы самооправдания человека! Им не хочется ссориться с начальством, хочется созерцать иконы и есть булки с маслом (Аверинцев — лауреат премии комсомола) — и они хотят отстоять это своё соглашательство как благородный принцип жизни.

Они возводят свой собственный интерес в какую-то 15-ю степень теоретической отвлечённости и сражаются за него яростно, как за “чистую идею”...

Чисто обывательская реакция на этот лакшинский выпад могла бы быть следующей: как будто сам Лакшин жил тогда иначе, чем Аверинцев! Однако до конца понять всё негодование Лакшина можно, лишь усвоив здесь главное: для Владимира Яковлевича (как и для других “новомирских” критиков — Ю. Манна, А. Володина, С. Рассадина) не существовало русской литературы за пределами так называемого “критического реализма”. Он всю анализируемую им классику, по сути, подгонял под это “направление”, в чём диаметрально и непримиримо расходился с тем же Кожинным. До какой степени расходился — это мы ещё увидим.

* * *

Приняв отставку Твардовского, власть всерьёз взялась за “Молодую гвардию”.

Представители агитпропа, в частности, внимательно изучали не только погромные статьи о “молодогвардейцах”, но и материалы совета по литературной критике, на котором особенно отличились Валентин Оскоцкий и Владимир Огнев (который вознамерился и должен был стать заместителем нового главного редактора “Нового мира”, но не был утверждён вышестоящим начальством): “Анализируя некоторые поэтические произведения и статьи, опубликованные в последнее время, **В. Оскоцкий** отметил как характерную их черту антиисторизм (запомним это словечко! — **С. К.**): в ряде стихов образцом “русского начала” представляется некая вневременная “славянская идиллия”, причём парадоксально то, что в подобных случаях в союзники берётся не кто иной, как Пушкин — Пушкин, которому русская литература обязана как раз историзмом... Возвращение к извечным “началам”, к незамутнённым временем “истокам” — таков, по В. Чалмаеву, будущий путь развития поэзии, пророчествуемый вне каких-либо реальных исторических процессов, социальных и классовых критериев; эстетический же идеал такой поэзии — это идеал “безумцев”, “навевающих “человечеству “золотые сны” (имеется в виду ответ Чалмаева на анкету “Дня поэзии 1969. — **С. К.**)... Но “золотые сны” никогда не составляли и не будут составлять основу идейно-художественной программы советской литературы, тенденциям антиисторизма и псевдонародности надо давать решительный отпор.

Идеи патриотизма и народности, сказал **В. Огнев** в выступлении, посвящённом критике новейшего “почвенничества”, не могут противостоять идее братства народов. Защитники мифической “самобытности” в угоду своим концепциям искажают суждения великих писателей на этот счёт, в частности, взгляды Достоевского, для которого народность была неотделима от его любимой идеи “всечеловечности” и которого уж никак нельзя представлять апологом национальной ограниченности”.

Анатолий Никонов, публикуя эти материалы совета по критике в своём журнале, очевидно, пытался по возможности оттянуть неизбежную развязку. Однако он отнюдь не прятал голову в песок. Два номера спустя в журнале появилась статья Сергея Семанова “О ценностях относительных и вечных”.

(К слову: Семанов, как и его соавтор, историк Виталий Старцев, как и Пётр Палиевский, как и Олег Михайлов, печатался у Твардовского в “Новом мире”. Во второй половине 1960-х он стал автором “Молодой гвардии”, и его связи с прежним “литературным окружением” начали истончаться, пока не порвались совсем... Он вспоминал через годы любопытную сцену гощения вместе с Палиевским у Олега Михайлова, к которому пришёл тогда и священник Дмитрий Дудко, “сталинский сиделец”, который начал, как бы в унисон с гостями, проклинать большевиков за гонения на Православие. “Да если бы не эти гонения, — отчеканил тогда Палиевский, — Церковь погрязла бы во грехе!”).

Статья Семанова стала, очевидно, последней каплей, переполнившей чашу терпения отечественного агитпропа. Можно, наверно, было бы ещё “спустить на тормозах” защиту в ней Михаила Лобанова, полемику с Юрием Манном и Александром Дементьевым, выпады против Александра Лебедева, у которого, по Семанову, “основательно выпотрошенный Чаадаев становился... лишь оболочкой, которую он фаршировал по своему вкусу”. Можно было бы... Но в то же время — нельзя. Ибо дальше следовало:

“Что ж, аллюзионные истолкования нынче в моде. Задача, которую ставят перед собой их адепты, совершенно отчётлива, если об этом говорить прямо: Россия, мол, всегда, испокон веков пребывала во тьме, мраке, невежестве, реакции, косности, тупости и т. д. И только некоторые “европейски образованные” интеллектуалы-мыслители (в каком веке — неважно, ведь и время, и всё прочее относительно, вы не забыли?), так вот только несчастные и никем не понятые интеллектуалы в крошечном том мраке зажигали свою одинокую свечу и...

Нет ничего более оскорбительного для нашего народа, чем подобное толкование его роли в истории (и не только в истории, выразимся так). С подобной точки зрения народ — “быдло”, которое надо силком тащить за вихор в рай, изобретённый иным решительным интеллектуалом. Какая уж тут любовь к народу, в которой так часто клянутся любители обличать “мрак и невежество” русской истории? Если и есть тут любовь к кому-нибудь, то только уж к своему брату “интеллектуалу”. Что ж, такая точка зрения не нова. Она звучала и раньше: вспоминается истерическая реплика одного из героев горьковской пьесы: “Культурные люди всех стран, соединяйтесь!”

Пьеса эта недвусмысленно называется “Враги”...

О каких это “врагах” пишет автор, когда весь советский народ, как никогда, продемонстрировал свою нерушимую монолитность в год юбилея нашего великого вождя?

Семанов отнюдь не против монолитности. Более того, “тёмные силы мира настойчиво пытаются любыми способами ослабить наше государство, посеять рознь и вражду среди советских народов”. В частности, как на поверку оказывается, при помощи различных псевдоисторических спекуляций, вроде той, что Россия якобы “была... к рубежу 1917 года в полуколониальной зависимости от западных держав”... Не была! — утверждал Семанов. Он обращал внимание читателя на то, как остро проявляется ныне интерес к отечественной истории, как наряду с мемуарами маршалов и генералов Великой Отечественной “быстро исчезли с прилавков книги В. Л. Янина о берестяных грамотах или Л. Н. Гумилёва о хазарах”... Он полемизировал и с молодогвардейскими авторами — Андреем Старцевым и Михаилом Алпатовым. Он напомнил Старцеву, как историк Покровский и его последователи установили в 20-е годы “подлинную монополию в исторической науке, весьма сурово расправляясь со всеми инакомыслящими. Покровский и его “школа” поставили перед всей историей России жирный знак минус и размахисто переписывали эту историю по принципу “от противного”...”

А кто “прикончил” школу Покровского? Тут Семанов и перешёл к тому, за что его ненавидит либеральная интеллигенция по сей день.

“Теперь ясно видно, что в деле борьбы с разрушителями и нигилистами перелом произошёл в середине 30-х годов. Сколько бранных слов обрушено было задним числом на эту историческую эпоху! Любителям вздыхать о “золотом веке”, который якобы царил в литературно-художественных салонах 20-х годов, всем тем, кто, кроме этих самых салонов, и видеть ничего не хочет в нашей культуре и народной жизни, — всем им полезно напомнить, что именно после принятия нашей Конституции, которая законодательно закрепила огромные социальные сдвиги в стране и в обществе, возникло всеобщее равенство советских граждан перед законом. И это было гигантским нашим достижением. Навсегда исчезло подразделение людей на различные категории при поступлении на работу, на государственную службу, в армию, при приёме в учебные заведения. Все честные трудящиеся нашей страны отныне и навсегда оказались слитыми в единое и монолитное целое. Мне кажется, что мы ещё до сих пор не осознали всю значимость гигантских перемен, случившихся в ту пору.

Эти перемены оказали самое благотворное влияние на развитие нашей культуры. Модернистским извращениям был положен предел. Глумлению над прошлым Родины и её народа уже более не оставалось шансов на успех. Поистине символичным для тех лет стал известный плакат: советский танкист в шлеме, поднимаясь из танковой башни, смотрит вдаль, приложив ладонь ко лбу, а за ним, в глубине плаката, возвышается знакомая фигура бородатого и широкоплечего васнецовского богатыря с тем же жестом руки, с тем же настороженным и смелым взглядом... Плакат этот — о тех самых танкистах, которые грудью встретили вскоре страшную вражескую лавину. И опять-таки не

случайно, что в тревожные дни ноября 1941 года нам напомнили об Александре Невском и Дмитрие Донском, Козьме Минине и Дмитрие Пожарском, Александре Суворове и Михаиле Кутузове. Поистине, прошлое и настоящее неразрывны!”

Семанов ещё не всё сказал. Он мог бы вспомнить и о возобновлении новогодних праздников, и о реабилитации казачества, и о прекращении преследований за отправление религиозных обрядов... Мог бы. Только “страха ради иудейска” всё это из текста его статьи неизбежно было бы удалено. Сказанного – хватило. Либералы обрушились с обвинениями в реабилитации Сталина, поминая, естественно, 1937-й, хотя Семанов писал о равенстве граждан, узаконенном Конституцией 1936 года. Агитпропу (и, в частности, Александру Яковлеву) поперёк горла стал основной тезис статьи: “Старь новизну держит”...

5 ноября 1970 года было принято постановление секретариата ЦК КПСС об ошибках редколлегии журнала “Молодая гвардия”, допустившей публикацию статей националистического характера. На этом же секретариате Никонов был снят с поста главного редактора. Толчком к снятию послужила “Записка” А. Н. Яковлева, в которой фигурировали выражения: “Отступление от ленинских принципов партийности, внеклассовое, внесоциальное толкование народности, идеализация дореволюционной России”. Члены редколлегии “Молодой гвардии” вспоминали, что при обсуждении журнала в ЦК фигурировало письмо, направленное против основной линии издания за подписью группы писателей, в том числе Чингиза Айтматова, Владимира Амлинского, Владимира Цыбина.

В. Солоухин, А. Иванов, В. Фёдоров, М. Лобанов, В. Чивилихин добились встречи с секретарём ЦК по пропаганде П. Н. Демичевым – и только благодаря этому разговору А. Никонов был наказан сравнительно мягко – переведён на должность главного редактора журнала “Вокруг света”.

Кстати сказать, Постановление ЦК КПСС о журнале “Молодая гвардия” засекречено по сей день.

О “снятии” Твардовского трубили все радиоголоса. Авторы “Нового мира” засыпали высшие инстанции негодующими письмами. Снятие Никонова произошло в полном молчании. Нашёлся за рубежом лишь один журналист – Леон Робель, который через полтора года в журнале “Нувель критик” написал: “Когда Александра Твардовского вынудили отказаться от руководства журналом “Новый мир”, во всем мире много говорили об этом... Когда же в начале прошлого года главный редактор журнала “Молодая гвардия” был освобождён от своих обязанностей, это решение, политически намного более важное, прошло при полном молчании тех же наблюдателей”.

Через полтора десятка лет Робель сделал “необходимое уточнение”: “Если я говорил о снятии главного редактора журнала “Молодая гвардия”, придавая этому факту политическое значение, то это было сделано для того, чтобы выразить надежду, что наконец-то началась борьба в поддержку социалистических идей и против национализма”.

(Продолжение следует)